

Глава 15

Под покровом ночи по горной тропе, ведущей к монастырю Цинъюань, мерно катился экипаж. Следом за ним, не зная усталости, во весь опор мчался всадник.

— Лу Шии, подожди меня! Остановись, объяснись же наконец!

— Лу Шии!

— Стой! Лу Шии, если нам и суждено расстаться, то хотя бы скажи всё в лицо!

Внутри кареты каждое это «Лу Шии» отзывалось в душе Цзи Хуайчжэня вспышкой яростного пламени. Он с силой распахнул окно и в гневе прикрикнул на стражу:

— Вы что, онемели? Я же велел его задержать! Вы человеческую речь понимаете или нет?

Один из охранников прищпорил коня, поравнялся с окном и с виноватым видом доложил:

— Господин, мы пытались, но этот малец где-то стянул лошадь и вцепился в хвост нашей карете. Мы не можем его остановить.

Едва услышав давешнее «береги себя», Яньчи мгновенно всё понял: это был знак, что их пути расходятся. Он ещё не осознал, что именно произошло, но инстинктивно вскочил, наспех оделся и бросился в погоню.

Люди Цзи Хуайчжэня преградили ему путь, но применить силу против юноши не посмели, да и вряд ли смогли бы одолеть его в честном бою. В итоге Яньчи улучил момент, угнал коня и настиг процессию. Он правил лошадью с поразительным мастерством — горная дорога была для него что ровное поле. Юноша держался на небольшом расстоянии, и стряхнуть его не удавалось.

Хуайчжэнь, не находя иного выхода для своей желчи, велел стражнику проваливать и сделать хоть что-нибудь, чтобы утихомирить преследователя.

— Если я услышу ещё хоть одно «Лу Шии», — пообещал он, — я, может, и не смогу вырвать язык Яньчи, но твой — точно вырежу.

Цзи Хуайчжэнь до боли стиснул зубы.

«Лу Шии, Лу Шии... — злость клокотала в его груди. — Целыми днями только и слышно, что Лу Шии»

В карете ему было не по себе: при каждой встряске на ухабах густое семя, оставленное этим мерзавцем, толчками вытекало наружу, пачкая бёдра.

А ведь он планировал этой ночью в последний раз насладиться этим телом, а перед уходом раскрыть свою истинную личину и растоптать гордость юноши. Он хотел посмеяться над его глупыми мечтами, над тем, как жалко тот обманулся в человеке. Именно об этом Хуайчжэнь грезил с самой первой встречи, когда понял, что Яньчи принял его за Лу Шии.

К тому же за последние дни этот малец, желая угодить «наставнику Лу», не раз при нём поносил самого Цзи Хуайчжэня последними словами.

Казалось бы, самое время отплатить ему той же монетой: заставить признать, что его обожаемый Лу Шии — та же дрянь, что и презираемый им Тайфу.

Цзи Хуайчжэнь никогда не прощал обид.

Но...

Но этот мальчишка за последнее время был к нему слишком добр.

И этой ночью он смотрел на него таким взглядом...

От этого взгляда Хуайчжэнь словно лишился рассудка. Он, вечно расчётливый и жестокий, вдруг дал осечку и в кои-то веки проявил милосердие. Он позволил юноше досмотреть этот сладкий сон до конца, оставив ему на память лишь мимолётную связь с предметом обожания. Думал — разойдутся миром, и на том сказке конец.

Кто же знал, что этот упрямец бросится следом!

«Неужели этот Лу Шии настолько хорош? — негодование Хуайчжэня росло. — Стоит ли так убиваться по тому, кто после ночи любви даже не желает тебя знать?»

Раскаяние за нелепую вспышку доброты жгло его изнутри. Нужно было просто одеться, вlepить Яньчи пощёчину, высмеять его заносчивость и уйти.

«Проклятая красота — вечно от неё одни беды»

— Господин, мы прибыли. Дева Бай ждёт внутри.

Пока он предавался ярости, экипаж остановился у подножия холма, на котором высился монастырь Циньюань. Хуайчжэнь с ледяным лицом сошёл на землю и, стоя на подножке,

бросил на приближающегося телохранителя суровый взгляд.

— Правила забыл?

Тот мгновенно опомнился, опустился на одно колено, подставляя ногу, чтобы Цзи Хуайчжэнь мог сойти, используя его как живую ступень.

В этот момент Яньчи настиг их. Спрыгнув с коня прямо на ходу, он в два прыжка оказался рядом и схватил Хуайчжэня за запястье.

— Что случилось? Я чем-то тебя обидел?..

Он не договорил. Слова застряли в горле. Юноша замер, не отрывая взгляда от того, что творилось за спиной Тайфу.

Монастырь Цинъюань был объят пламенем.

Всего за одну ночь мир перевернулся. Табличка с названием обители была сорвана и брошена в грязь, истоптанная множеством ног. Холодный ночной ветер раздувал огонь, и из глубин монастыря доносился странный, тяжёлый дух — запах крови, пролитой на пылающее дерево и мгновенно испарившейся в неистовом жаре.

Место, что ещё вчера казалось обителью покоя, превратилось в сущий ад. Откуда-то доносились приглушённые крики и мольбы о пощаде, которые тут же тонули в рёве пламени и свисте ветра.

Видя, как побледнел Яньчи, Хуайчжэнь ощутил укол жестокого удовлетворения. Он холодно высвободил руку, ступил на ступени монастыря и, обернувшись, посмотрел на юношу сверху вниз:

— Раз уж тебе так приспичило следовать за мной, что ж, иди.

Он осклабился в пугающей улыбке:

— Только потом не жалеяй.

Внутри монастыря их уже ждала Бай Сюэ. Даосы, полуодетые и перепуганные, стояли на коленях в ряд — судя по всему, их вытащили прямо из постелей. Во главе их дрожал даос Цзэн; штаны его потемнели от влаги, а по подолу расплывались жёлтые пятна.

Ещё не подойдя вплотную, Хуайчжэнь почувствовал резкий запах мочи.

Даос Цзэн принялся неистово бить поклоны, выкрикивая:

— Господин Лу, помилуйте! Я всё скажу, всё признаю! Пощадите мою жалкую жизнь! Это не я, это всё мой старший брат! Это он велел отдать дату рождения того человека...

Хуайчжэнь поморщился и нетерпеливо повёл пальцем.

Ему было плевать, кто и что услышит — этой ночью здесь не должно было остаться свидетелей. Но этот визг невыносимо раздражал его. После всего, что произошло с Яньчи, внутри Хуайчжэня бушевала жажда насилия, требующая выхода.

Не дожидаясь приказа, один из стражей шагнул вперёд. Он прижал даоса Цзэна к земле, вытянул его язык и коротким, точным движением клинка полоснул по нему. Брызнула горячая кровь. Даос забился в конвульсиях, а на землю упал окровавленный кусок плоти.

Хуайчжэнь велел сломать две ветки и, словно палочками для еды, подхватил обрубок языка. Он лично запихнул его в глотку даоса, заставляя того проглотить собственную плоть.

— Остальные все здесь?

Он окинул собравшихся ледяным взглядом, но не нашёл среди них Лу Сяоцзя.

Бай Сюэ смущённо опустила голову и тихо доложила:

— ...Ускользнул. Как только закончим здесь, я лично отправлюсь за ним в погоню.

Хуайчжэнь усмехнулся:

— Сумел уйти от тебя? Что ж, значит, не обделён талантом. Найди и убей. И его младшего брата тоже. Они знают слишком много, оставлять их в живых нельзя.

Бай Сюэ облегчённо вздохнула. По тону господина она поняла, что тот пребывает в дурном расположении духа, и невольно взглянула на того, кто был тому причиной.

Яньчи незаметно подошёл ближе.

В монастыре почти не осталось живого места — всюду кровь и отблески пожара. Юноша с ужасом смотрел, как перед главным залом сваливают в кучу трупы, чтобы предать их огню. Прямо перед ним лежал даос Цзэн, который ещё несколько дней назад казался лишь хитрым плутом. Теперь он был при смерти; когда Яньчи проходил мимо, даос в предсмертной судороге вцепился в его штанину, безмолвно моля о спасении.

Яньчи отпрянул и поднял взгляд на Хуайчжэня. Тот смотрел на него, и на губах его играла улыбка, полная жестокого торжества.

В этот миг Яньчи вдруг осознал, что совершенно не знает этого человека.

Тот, кого он почитал за божество, в одно мгновение явил своё истинное лицо — беспощадное и бесчеловечное. Яньчи не мог в это поверить. Он во все глаза смотрел на Хуайчжэня, не в силах вымолвить ни слова:

— Ты...

Он хотел спросить «зачем?». Если была вражда, неужели мало было одного даоса Цзэна? К чему эта кровавая расправа над всей обителью?

Это был не тот Лу Шии, которого он когда-то мельком видел в столице — тот, чей образ дарил тепло и заставлял сердце биться чаще.

Но слова так и не сорвались с губ.

Цзи Хуайчжэнь видел, как взгляд Яньчи меняется: от горячего обожания к сомнению, а затем к горькому разочарованию. И это приносило ему невыразимое наслаждение. Словно желая подлить масла в огонь, он обратился к даосам, чьи жизни висели на волоске:

— Когда встретитесь в преисподней перед ликом десяти царей ада, требуйте ответа у этого Цзэна. Это он ввязался в дела, в которые не следовало. А вы — его братья по вере, так что вам и разделять его участь.

Один из даосов в ответ лишь горько усмехнулся:

— Говорят, в столице живёт Цзи-пёс, что не разбирает правых и виноватых и кусает каждого встречного. Но нынче я вижу: Цзи-пёс — ничто в сравнении с Лу-псом! С такой хваткой и жаждой крови вам бы не в монастырях воевать, а татар в степи грызть. Вот тогда бы и впрямь прославили мощь Великой Ци!

Прозвище «Цзи-пёс» заставило Хуайчжэня резко обернуться. В его глазах полыхнула злоба.

«Кляни Лу Шии сколько влезет, — мелькнуло в его голове, — но при чём тут я, Цзи Хуайчжэнь?»

В глазах этих людей этой ночью кровь лил Лу Шии. Как же они умудрились приплести и его самого?

Он холодно фыркнул, выхватил меч из ножен на поясе Бай Сюэ и одним ударом пронзил смельчака. Тот охнул и замертво рухнул на землю.

— У кого ещё есть что сказать?

Другой даос заговорил, и голос его был ещё громче, а слова — ещё оскорбительнее.

— Цзи-пёс и Лу-пёс — две верные ищейки Великой Ци! Даже в злодеяниях своих грызётесь за первенство. Только вот любопытно, господин Лу: когда вы встретитесь с татарами, сумеете ли вы загрызть столько же врагов, сколько ваш хваленый Цзи-пёс?

Опять этот «Цзи-пёс» в каждом слове!

Беда была в том, что дурная слава Цзи Хуайчжэня гремела повсюду. Он стал неким мериллом подлости: стоило оценить чьи-то злодеяния, как их тут же сравнивали с поступками «Цзи-пса».

Хуайчжэнь свирепел всё больше. Стоило ему убить одного, как на его место вставал другой. Даосы, понимая, что пощады не будет, решили напоследок донять своего палача. Они выкрикивали «Лу-пёс», умирая один за другим.

Перед лицом неминуемой смерти в них вдруг пробудилось мужество, не знающее страха.

Меч Хуайчжэня разил без промаха, кровь стекала по клинку и алыми ручьями пропитывала землю.

Ему было всё равно, когда поносили Лу Шии — он бы и сам с удовольствием посмеялся над этим. Но когда проклинали его самого — этого он терпеть не желал.

Осталось лишь двое. В отличие от своих братьев, они не обладали такой стойкостью духа. Увидев столь скорую и жестокую расправу, они дрожали всем телом и, захлёбываясь слезами, молили о пощаде. Хуайчжэнь, не удостоив их даже взглядом, занёс меч, но в этот миг его запястье перехватила чья-то рука. Хватка была железной.

— Довольно.

Он обернулся. Это был Яньчи.

Челюсти юноши были плотно сжаты, всё его тело сотрясала мелкая дрожь. Он был в ярости, и от его былой нежности не осталось и следа.

— Эти двое молят о пощаде. Неужели тебе обязательно вырезать всех до последнего? Они ведь

ничего не знают! Тот Цзэн уже мёртв, к чему тебе их жизни?

Впервые в жизни Хуайчжэнь видел, как Яньчи смотрит на него с таким гневом.

И это отозвалось в его сердце сладостной волной. Когда Яньчи слушал рассказы о Цзи Хуайчжэне, в его глазах читалось именно это: ярость, презрение и холодное отчуждение. И вот теперь этот взгляд, наконец, был обращён на Лу Шии.

Но почему в глубине его глаз всё ещё теплилась эта невыносимая, болезненная жалость?

Даже сейчас, увидев всё своими глазами, Яньчи не хотел сдаваться. Он всё ещё питал надежду, что в Лу Шии осталось хоть что-то человеческое.

«Удаче Лу Шии можно было только позавидовать»

И чем дороже была эта любовь Яньчи к Лу Шии, тем сильнее Хуайчжэню хотелось её уничтожить. То, чего не было у него, не должно достаться и Лу Шии.

Он резко вырвал руку и двумя взмахами меча перерезал горло обоим даосам.

Горячая кровь брызнула Хуайчжэню прямо в лицо. Он небрежно смахнул её рукой. Алые капли на его бледной коже придали облику черты истинного демона. Он поднял взгляд: в глазах Яньчи больше не было жалости.

Хуайчжэнь внезапно вспомнил о чём-то и тихо рассмеялся. Он указал на Яньчи и велел Бай Сюэ:

— У него на запястье есть красное пятнышко, точь-в-точь как киноварь целомудрия у вас, женщин. Срежьте-ка мне этот лоскут кожи. Я оставлю его себе на память.

Стража тут же взяла Яньчи в плотное кольцо. Лишь Бай Сюэ не шелохнулась.

Яньчи замер, словно поражённый громом. Если мгновение назад он негодовал из-за жестокости «Лу Шии» и пытался спасти невинных, то теперь слова застряли у него в горле. Этот человек велел срезать кожу с его запястья.

А ведь он сам рассказал ему... рассказал, что этот шрам остался у него в тот день, когда он пытался спасти свою мать.

Он открыл ему душу, признался, что отец был жесток с матерью, и поклялся никогда не быть таким, как он.

Тайфу всё знал. Он прекрасно понимал, что значит этот шрам и какие чувства стояли за теми словами. И теперь он велел срезать его «на память».

<http://bllate.org/book/15318/1373391>